

18+

Юрий Стальгоров

**«ШЕЛ СОЛДАТ
СУДЬБЕ
НАВСТРЕЧУ...»**

Юрий Стальгоров

«Шел солдат судьбе навстречу...»

«Издательские решения»

Стальгоров Ю.

«Шел солдат судьбе навстречу...» / Ю. Стальгоров —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-960787-4

Меня призвали в радиотехнические войска 4 октября 1954 года — всего лишь на третий год формирования этих войск. Сразу после призыва меня направили в училище по подготовке младших офицеров с годичным курсом обучения. Я получил там армейскую специальность «оператор радиотехнических станций обнаружения и наведения». Герои этой книги — обыкновенные солдаты, мои сослуживцы. Также в ней описывается солдатский армейский быт 50-х годов.

ISBN 978-5-44-960787-4

© Стальгоров Ю.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Часть I. Училище	8
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	16
Глава 4	19
Глава 5	20
Глава 6	22
Глава 7	24
Глава 8	26
Глава 9	27
Глава 10	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

«Шел солдат судьбе навстречу...»

Юрий Стальгоров

© Юрий Стальгоров, 2020

ISBN 978-5-4496-0787-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Я сугубо гражданский человек. Всю свою взрослую жизнь я проработал в промышленности, ушел на пенсию с должности директора государственного завода с количеством работников 6 тысяч человек.

Я прослужил три года солдатом в радиотехнических войсках ПВО страны. До 1951 года радиотехнических войск в Советском Союзе не было, радиолокационная защита воздушного пространства отсутствовала. 15 декабря 1951 года вышло Постановление Совета Министров СССР «О создании службы раннего обнаружения самолетов воздушного противника». Формирование радиотехнических войск шло на базе войск ВНОС и практически началось с 1952 года. 15 декабря 1951 года – это день рождения радиотехнических войск страны.

Меня призвали в радиотехнические войска 4 октября 1954 года – всего лишь на третий год формирования этих войск. Сразу после призыва меня направили в училище по подготовке младших офицеров с годичным курсом обучения. Я получил там армейскую специальность «оператор радиотехнических станций обнаружения и наведения».

Хороших радиолокационных станций даже в 1955 году не было, были американские станции сантиметрового диапазона П-20 в очень небольшом количестве. Не всё воздушное пространство страны было перекрыто РЛС, главным недостатком вооружения было практическое отсутствие станций с экраном кругового обзора. Во время моей службы в армии и проходило оснащение радиотехнических войск современными РЛС. В общем, шло становление этих войск, о чем и рассказывается в этой книге.

Герои этой книги – обыкновенные солдаты, мои сослуживцы. Все мои товарищи-сослуживцы описаны в книге под своими истинными фамилиями. Также в ней описывается солдатский армейский быт 50-х годов.

Хочу заметить, что я был старше других призывников на 3 года – в сентябре 1954 года мне исполнилось 21, тогда как моим товарищам по призыву было только по 18 лет. Тем более что с каждым годом службы эта разница в возрасте увеличивалась по отношению к вновь призываемым солдатам и к 1956 году составляла 5 лет. Эта разница в возрасте, я считаю, помогла мне в моей дальнейшей службе в армии.

Кроме этого, до призыва в армию, начиная с детства, я прошел огромную жизненную школу. Когда мне не было еще и 4 лет, мой отец был арестован за контрреволюционную деятельность. В 1941 году, в начале войны, мы жили в Белоруссии в городе Рогачеве, который 3 июля 1941 года был оккупирован немцами, и мы оказались на оккупированной территории. Позже мы перешли через фронт и эвакуировались в Сталинградскую область, и во время пересечения фронта я был ранен в ногу осколком снаряда. Уже в 1941 году я начал работать в колхозе, но не учился в школе, поскольку у меня не было ни обуви, ни одежды, чтобы ходить на занятия. Моя мама-учительница занималась со мной дома. В апреле 1944 года мы вернулись в Белоруссию, там мою маму арестовали, а меня с братом поместили в спецдетдом, где мы находились до ноября 1945 года, когда мама вышла из тюрьмы по амнистии в честь Дня Победы. В начале апреля 1946 года мы переехали в городок Чудей Стороженецкого района Черновицкой области Украины. Год я не учился, а в 1947 году поступил на учебу в Стороженецкую НСШ и окончил семь классов в 1948 году. В июле того же года я поехал в Киев поступать в горно-строительный техникум, но «не прошел по конкурсу». Денег у меня не было, и домой в Чудей я не поехал. Два месяца я беспризорничал. К ноябрю я вернулся в Чудей и поступил работать в леспромхоз учетчиком автопарка. В январе этот леспромхоз был ликвидирован, и меня приняли на работу диспетчером автоколонны Стороженецкого леспромхоза. Мне еще не исполнилось и 16 лет, а я уже командовал сотней шоферов, посылая их на три различных лесоучастка, а несколько раз приходилось посылать шоферов везти пограничников

к местам боев с бандами Украинской повстанческой армии¹. Как правило, шоферы пытались отказаться от таких поездок – все они прошли через войну, и ехать под вражеский обстрел им, конечно, не хотелось. Приходилось их заставлять различными способами. В сентябре 1949 года я поступил учиться в Каменец-Подольский индустриальный техникум, по окончании которого в 1953 году я работал в Челябинске на заводе Шлаковых материалов (ЧЗШМ) начальником цеха. Когда я был в этой должности, меня и призвали в армию. Вот и получилось так, что я иду служить с огромным багажом жизненного опыта, при этом я старше своих сослуживцев на три года. За предыдущую свою жизнь я привык подчиняться и научился командовать. Я думаю, что эти обстоятельства и предопределили мой авторитет среди армейских товарищей, да еще воинское звание «сержант», полученное по окончании училища, и офицерская должность.

При написании этой книги мне оказывали помощь моя помощница Наследскова Юлия Михайловна и два моих внука – Орлов Илья Николаевич и Орлов Валерий Николаевич. Я им безмерно благодарен, без их помощи этой книги не было бы.

¹ Организация запрещена в РФ

Часть I. Училище

Глава 1

Октябрь – ноябрь 1954 года. Город Киров. Новобранец

ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ СТАЛЬГОРОВ, ГОРОД КИРОВ, 1954 ГОД

4 октября 1954 года я ехал в пассажирском поезде Владивосток – Москва в город Киров на службу в Советскую Армию. По словам работников Челябинского областного военкомата, мы, 30 призывников по спецнабору, первые будем ехать в пассажирском поезде. Они сказали, что из областного военкомата всегда отправляли призывников в товарных вагонах. Более того, за неделю до нашего отъезда Челябинский областной военкомат отправил 800 призывников эшелонам, состоящим из товарных вагонов и одного пассажирского вагона, в котором размещались вооруженные солдаты – охрана эшелона призывников. А нас впервые отправляли служить в пассажирских вагонах и без вооруженной охраны.

Меня призвали в войска ПВО – Уральский военный округ, Уральская армия ПВО. Я ехал служить в армию не добровольцем. В какой-то степени призыв в армию для меня был принуждением, но я нисколько не огорчился. Я сравнивал свою прошедшую жизнь и все невзгоды, перенесенные мною до призыва в армию, с тем, что мне предстояло пережить. Главным преимуществом армии для меня в то время было то, что там будут кормить. Еда до сих пор была главным в моей жизни. За время войны я наголодался на много лет вперед. До августа 1953 года я считал, что человек не может сказать, что он наелся досыта. А в армии регулярно кормят, и это меня устраивало полностью. Все остальные армейские трудности и возможные лишения меня нисколько не пугали. Я ехал служить в армию почти с удовольствием, во всяком случае, с оптимизмом.

30 человек призывников – это был спецнабор, все призывники со среднетехническим образованием различных специальностей. Сопровождал нас представитель войсковой части капитан Репкин. Еще на вокзале в Челябинске он сказал, что мы едем в город Киров, войсковая часть №21491, проходить службу будем в 36-ом отдельном радиотехническом батальоне.

Репкин предупредил, что во время поездки никакого алкоголя никто не употреблял. Он сказал: «Обратите внимание, со мной нет вооруженных солдат для того, чтобы сдерживать ваши эмоции силой. Давайте договоримся, что вы не пьете – я за вами за всеми проследить не могу. В пути у нас будет несколько длительных остановок. Если кто-нибудь отстанет вдруг от поезда, не успеет сесть, немедленно обращайтесь к военному коменданту, который имеется на каждой железнодорожной станции, и догоняйте».

Кстати, у нас был один такой случай. Призывник, как сейчас помню, по фамилии Конаков, шахтер из Копейска, отстал от поезда, но быстренько обратился к военному коменданту. Комендант дал телеграмму начальнику нашего поезда для сообщения Репкину о том, что он посадил Конакова на паровоз товарного поезда, и этот поезд догонит наш пассажирский поезд на указанной комендантом станции. Конаков присоединился к нам на этой станции.

На какой-то из остановок, когда мы вышли на привокзальную площадь, нас окружили цыгане и уговорили всех нас отдать им теплые вещи. У меня был пиджак, и я его отдал. У некоторых призывников были ватные телогрейки, они также отдали их цыганам.

На следующие сутки мы приехали в Киров, строем отправились на окраину города, где располагалась казарма нашего батальона, а оказалось, что одежды и обуви для нас нет – не привезли к призыву. В гражданской одежде в казарму нас не пустили и разместили в палатке во дворе. Палатка была одна, большая армейская, в ней разместились все мы – 30 человек. Нам выдали матрасы, наволочки, две простыни и одеяло. Мы набили матрасы и наволочки соломой, уложили на землю матрасы и вповалку разместились в палатке.

Никакими делами нас не загружали. В палатке уже спать было достаточно холодно, и все мы нелестными словами поминали цыган и ругали сами себя за то, что отдали им верхнюю одежду – теперь бы она пригодилась. Тем не менее, в палатке особенно никто не замерзал. Правда, просыпаясь утром, все со своих подстриженных голов смахивали иней, и вставать из-под одеяла утром никому не хотелось. Подъем в войсковой части был в 7 часов утра, нас же

никто не поднимал. Мы никому не были нужны и ничем не занимались. Несмотря на то, что в 7 часов утра вокруг палатки уже бурлила жизнь, все мы ещё валялись в постели. Никто не хотел вставать – было холодно. Все же это октябрь на Севере страны, и земля вокруг палатки уже замерзла.

Я не унывал и вставал, выходил из палатки именно в 7 часов утра, когда поднимались все вокруг. Я снимал рубашку и майку и делал физзарядку в течение 10 минут. Вода к тому времени в умывальнике была уже залита, и я до пояса умывался холодной водой – было ужасно холодно. Но когда я надевал майку, сразу становилось теплее, а когда надевал затем рубашку, уже было совсем тепло, и я начинал будить спящих товарищей.

Некоторые из них уже проснулись, но вставать никто не хочет. Я начинаю с ними разговаривать. Кто-то меня ругает, кто-то со мной разговаривает и смеется, и время подходит к завтраку. Я их пытаюсь поднять: «Идем завтракать!». Самое большее два человека встают и со мной идут в столовую, а остальные говорят: «Мы не пойдем, вы нам принесите чего-нибудь поесть».

Хлеб в столовой мы брали на всех, остальное приносили, сколько могли. Конечно, приносили мало. Парни жертвуют завтраком и почти до обеда валяются в постели.

Так продолжалось дней 5, потом, наконец, привезли обмундирование. Нас всех построили и повели в баню, с нами все тот же капитан Репкин. В бане еще раз постригли перед мытьем, мы вымылись. Там нам выдали уже форму – одежду и обувь. Все стали друг над другом смеяться – все стали одинаковыми, и не узнаешь, где твой товарищ, с которым ты за время поездки познакомился.

Старую нашу одежду взяли и сказали, что вернут к демобилизации. Мы построились и пришли уже в казарму. Пока мы ходили в баню, нашу палатку убрали и место привели в порядок.

Позже прибыли новобранцы из Красноярского края – тоже 30 человек – и стало нас 60 человек. Еще прибыли новобранцы из Грузии – также 30 человек – итого нас стало 90 человек. Между прочим, все со среднетехническим образованием, кроме грузин – те закончили только 11 классов русской школы.

Вначале был карантин – 10 дней. После этого начался «курс молодого бойца», т.е. начались будни армейской службы. Мы все сфотографировались – не группами, а каждый в отдельности. Я послал письмо маме домой в Челябинск и послал своей невесте в Каменец-Подольский. Увы, я понял, что мое дело с невестой лопнуло. Теперь помимо расстояния нас разлучили на 4 года. Лена оканчивала техникум в 1955 году, к тому времени ей исполнялось 18 лет. Вполне можно было выходить замуж, мне можно было жениться и в 1953 году, когда я окончил техникум и был рядом с ней. Но она была несовершеннолетняя, ей не было 18 лет, и мы отложили свадьбу до ее совершеннолетия. А тут у меня получился облом с институтом и с Москвой, планы наши рухнули, и теперь я в армии сроком на 4 года. Чрезвычайно маловероятно, что она будет меня ждать. Вскоре я получил письмо из Каменец-Подольского, писал мужчина. Он написал, чтобы я больше писем Лене не писал, что они поженятся в 1955 году, а мне пожелал отличной службы в армии. Этим письмом и закончилась, не начавшись, моя свадьба с Леной.

Нас готовили к принятию присяги: мы изучали различные воинские Уставы и общевойсковое оружие.

Нас стали посылать на разгрузку вагонов с дровами. Всё отопление в батальоне было дровяное, топились все печи дровами. Надо было разгружать каждый день по 3—4 вагона. Это происходило так: командир роты строит в коридоре всех солдат нашей роты, затем к нам подходит капитан – начальник клуба батальона – и говорит: «Кто хочет участвовать в художественной самодеятельности – выйти из строя».

В первый же день вышел один человек по фамилии Янченко – здоровый, двухметрового роста, мастер спорта по лыжам. Оказалось, что он до призыва в армию участвовал в художе-

ственной самодеятельности города Ачинска. Он был солистом в городском хоре. Я из строя не вышел.

Вот идем разгружать вагоны с дровами. Разгружаем вагоны, потом выделяют несколько человек заготовливать дрова офицерам нашего батальона. На следующий день нас опять отправляют на разгрузку вагонов. Перед отправкой опять капитан спрашивает: «Кто хочет участвовать в художественной самодеятельности?». Вышло из строя 3 человека.

На третий день я также вышел, не пошел дрова разгружать. Я сказал, что, когда я учился в техникуме, я пел в хоре, но солистом не был. Меня руководитель хора попросил что-то пропеть. Я пропел, и он сказал, что я иду в батальонный хор. Поставили меня в определенное место, сказали: «Вот здесь будешь стоять». «Хорошо», – ответил я, и на разгрузку вагонов больше не ходил.

После окончания «курса молодого бойца» мы принимали присягу. Это было 20 ноября 1954 года. Принятие присяги прошло буднично, никаких родителей на присягу никто не приглашал.

После принятия присяги капитан Репкин объявляет нам, что проводятся наборы на курсы специалистов. Курсы в Свердловске, там будут обучать радистов и операторов радиотехнических станций, туда нужно 30 человек. 30 человек также будут отбирать в школу офицеров запаса. Эту школу, можно сказать, училище создает командование Уральской армией ПВО. В это училище принимаются солдаты первого года службы, имеющие среднетехническое образование. Не имеет значения, по какой специальности, срок обучения в училище 1 год.

По окончании училища курсанту, сдавшему Государственный экзамен, необходимо было на офицерской должности прослужить 1 год. В итоге после двух лет службы ему присваивалось звание младшего лейтенанта, и его должны были демобилизовать в запас. Это училище называлось также «Школа офицеров запаса».

Я обдумал эти условия: получалось, что я могу прослужить в Армии только два года, а без учебы в этой школе мне нужно служить 4 года. Я пошел к заместителю командира батальона по строевой части, подполковнику, записываться кандидатом на отправку в это училище. Оказывается, у подполковника был список участников художественной самодеятельности. В этом списке была и моя фамилия. Подполковник сказал, что участников художественной самодеятельности в команду, которую он формирует, замполит запретил записывать. Если я очень хочу поступить в это училище, то должен обратиться к замполиту.

Я пошел к замполиту. Это был майор Казимирчук, мой земляк – белорус. Он провоевал всю войну. Я к нему обратился именно как к земляку.

Я сказал:

– Товарищ майор, я ваш земляк и очень прошу вас посодействовать мне в поступлении в училище офицеров запаса. Меня туда заместитель командира по строевой не записывает. Он ссылается на то, что вы запретили включать в эту команду участников художественной самодеятельности, и без вашего разрешения он меня не включит в эту команду.

Майор говорит:

– Но ты ведь участвуешь в художественной самодеятельности.

– Да, участвую в хоре, не более того. Я петь не умею и, когда нужно петь, я раскрываю рот. И, чтобы не портить общее пение, я голоса не подаю.

– А зачем же ты записался в хор?

Я рассказал ему историю моей записи в художественную самодеятельность – я избегал разгрузки железнодорожных вагонов. Майор говорит:

– А ты не врешь?

– Нет, зачем мне врать?

Тогда замполит вызывает начальника клуба – того капитана, который меня записывал в хор, и спрашивает его:

– Вот рядовой Стальгоров, солист?

Капитан:

– Да нет, он не солист, но в хоре поет.

– А Стальгоров говорит, что он не поет, а только рот открывает, чтобы не портить общее пение.

Капитан посмотрел на меня и говорит:

– Все может быть.

Замполит:

– Так может быть, мы его отпустим? Черт с ним, пусть уезжает. Хор твой без него развалится?

– Конечно нет, пусть едет.

Майор Казимирчук поднимает телефонную трубку и говорит заместителю командира по строевой части: «Вот у меня сидит рядовой Стальгоров, он просится в команду, которая едет в Магнитогорск в „Школу офицеров запаса“. Как там, есть ему ещё место? Или все уже заполнено?». Тот что-то ответил ему, майор положил трубку и говорит:

– Все, поедешь в Магнитогорск, тебя записали.

Я вскакиваю, беру под козырек и говорю:

– Большое спасибо, служу Советскому Союзу, разрешите идти!

– Идите, счастливого пути.

Глава 2

Декабрь 1954 года. Магнитогорск

25 ноября 1954 года приехали мы в Магнитогорск. Наше училище находилось в стадии организации. Училище состояло из двух рот, каждая рота из 6 взводов по 24 человека – итого 144 человека курсантов в каждой роте. К каждому взводу курсантов были прикреплены два сержанта из роты обслуживания – командир второго отделения и командир первого отделения, он же помощник командира взвода. Командирами взводов были офицеры. Меня зачислили в 6-й взвод 2-й роты. Командиром нашего взвода был лейтенант Деревянкин.

Училище разместили на территории Второй зенитно-артиллерийской дивизии ПВО. Этот военный городок размещался на берегу реки Урал, рядом с поселком Вторая Плотина. Территория этого городка примерно два квадратных километра. На ней размещались штаб дивизии, ее хозяйственные службы и две резервные батареи. Каждая батарея – это два зенитно-артиллерийских комплекса. Зенитно-артиллерийский комплекс состоял из станций орудийной наводки СОН-4, прибора управления зенитным огнем (ПУАЗО) и 4-х зенитных артиллерийских орудия калибра 90 мм. Это были американские комплексы. Батарея состояла из двух таких комплексов.

Нам выделили одно казарменное здание и отдельно стоящий учебный корпус. На этой территории размещались также три склада артиллерийских снарядов. Вся территория этого военного городка была ограждена, на въезде были ворота, калитка и КПП. Рядом с КПП располагался магазин.

Здание казармы строилось для батальона именно из двух рот. Одну половину занимали мы, а вторую половину симметрично первой половине по строениям занимала первая рота. Казарма для одной роты состояла из спального помещения размером 54 на 24 метра. В этом помещении у наружных стенок стояли двухъярусные кровати, сгруппированные по две, т.е. для 4-х человек. Между каждой группой был метровый проход, в котором стояли две тумбочки, одна на другой. Середина этого спального помещения была свободной. Ее ширина около 6 метров на всю длину помещения. На этой площадке проводилась: вечерняя поверка и различные другие построения роты.

К торцу этого помещения пристроен поперечный пролет здания длиной 24 метра и шириной 18 метров. Вход в казарму был через этот пролет, в котором был длинный коридор шириной 3 метра на все 24 метра казармы. В этом пролете находились следующие помещения: так называемая Ленинская комната, каптерка и туалетные комнаты. В двух туалетных комнатах находились непосредственно помещения для оправления естественных надобностей и умывальник. Отхожее место было без кабин, в полу 6 штук чаш Генуя с автоматическим сливом воды. Солдат, который отправлял свои естественные надобности, приседал на эту чашу в позе, которую мы называли «поза орла». В умывальной комнате душа не было.

В огромном спальном помещении воздухообмен был естественным. Нужно было открывать форточки или окна, потолка в корпусе не было. По центру крыши располагался крышной фонарь шириной 6 метров на всю длину спального помещения. Фрамуги фонаря были с двух его боков, открывались и закрывались они электрическим приводом. Все помещения этого городка, в том числе и казарменные, строили пленные немцы в 1946—1949 гг. Перед входом в спальное помещение располагался пост дневального с тумбочкой.

Командиром роты был молодой старший лейтенант Панин, в прошлой войне не участвовал, а старшина был старше его лет на 10, и у него вся грудь была в орденах и медалях, он воевал. У старшины фамилия была Гринько.

После того, как мы повзводно расставили кровати, матрасы и наволочки набили соломой, нас построил старшина. Выдали нам постельное белье. Старшина говорит:

– Вот что, курсанты, нам нужно навести в казарме некоторый порядок. Прежде всего – окна. Оконные рамы деревянные, нужно проверить их и покрасить. Нужно покрасить и входные двери, пол красить не будем. Однако у меня ничего нет для того, чтобы красить – ни краски, ни кисточек. Училище ведь только организовалось, вот мы с вами должны принять участие в благоустройстве нашей казармы. Понятно?

Кто-то спросил:

– А где же взять краску и кисточки?

Старшина:

– Я этого не знаю, необходимо проявить солдатскую находчивость. Цвет краски может быть любой, но она должна быть соответствующего состава, чтобы ей можно было красить. Естественно, кисти также нужны. До отбоя мы должны закончить эту работу. Это поручается первому и второму взводу, остальные будут приводить в порядок туалет и Ленинскую комнату. С ними будут заниматься сержанты из роты обслуживания. Поскольку окраски довольно много, если понадобится первым двум взводам помощь, обращайтесь ко мне. Я буду выделять курсантов из других взводов.

Потом он говорит мне лично:

– А вот вы, товарищ курсант, фамилия?

Я сразу же:

– Курсант Стальгоров.

– Я поручаю вам изготовить для всей роты прикроватные таблички размером 15 на 10 см и написать на них фамилию имя и отчество каждого курсанта. Понятно?

– Так точно, товарищ старшина, а где фанера?

– А это ваша забота, товарищ курсант! Я вам поручил изготовить таблички, значит, вы должны найти фанеру, изготовить эти таблички и написать на них то, что требуется. Это приказ.

– Да где же я найду столько фанеры? Ведь надо сделать 144 таблички!

– Проявите солдатскую находчивость, понятно?

– Так точно!

Я пошел по военному городку искать фанеру, а фанеры нигде нет. Подхожу к КПП – там рядом магазин. И вижу, что возле него лежит пустой фанерный ящик из-под чая. Я прикинул, что мне двух ящиков вполне достаточно.

Захожу в магазин, здороваюсь с продавцом и говорю ей:

– Вот мне бы ящик этот, отдайте мне его, пожалуйста.

Она говорит:

– Не могу, солдатик, это возвратная тара.

– А у вас есть еще?

– Да, у меня еще 2 ящика: в одном уже чай заканчивается, а другой полный упакован и закрыт, я не открывала.

Я ей честно рассказал о задании старшины и говорю:

– Мне надо эти два ящика.

– Я не могу, это возвратная тара.

– А если кто-то ящик взял и он пропал? Как вы тогда отчитываетесь перед Военторгом?

– Пришлось бы 5 рублей платить за этот ящик.

Ага! А у меня денег в кармане было 20 рублей! Я ей говорю:

– Так все в порядке! Я вам плачу за каждый ящик по 5 рублей, и вы отдаете в Военторг эти деньги.

Она посмотрела на меня и говорит:

– Конечно, это выход. Только ещё один ящик у меня не полностью освобожден.

– У меня к вам убедительнейшая просьба, освободите, пожалуйста! Вот вам 10 рублей, и отдайте мне 2 ящика, ради Бога.

Она опять подумала и говорит:

– Ну, ладно, хорошо, отдаю тебе.

Я беру эти 2 ящика, иду к себе в казарму и принимаюсь за изготовление табличек.

В конце дня докладываю старшине:

– Товарищ старшина, ваш приказ выполнен.

– Молодец!

Смотрю, у нас окна покрашены. Я спрашиваю курсантов, которые красили:

– А, где вы краску взяли?

Они отвечают:

– Да мы пошли, стали искать, нашли казарму или какое-то помещение, в котором недавно красили, зашли туда, а там стоят остатки этой краски. Мы попросили, и нам ее дали вместе с кисточками.

– А какая краска?

– Да какая была, такую и взяли.

– А старшина что сказал?

– Старшина сказал, что мы молодцы и выполнили его приказ.

Я был удовлетворен тем, что я выполнил приказ старшины. В начале у меня не было ничего, была полная растерянность и мысль, что приказ выполнить невозможно. Однако же я проявил определенную находчивость и, грубо говоря, из ничего сделал что-то, т.е. таблички. Я уверился в своих собственных силах – оказывается, я способен сделать иногда почти невозможное.

Глава 3

Декабрь 1954 года. Быт

И вот мы учимся. Наш рабочий день начинается с подъема в 7 часов утра. После подъема – физзарядка, умывание, приведение себя в порядок и кое-какая подготовка к завтраку. После завтрака – занятия в учебном корпусе до 14 часов. Потом обед, послеобеденный сон, занятия общевоинской подготовкой или хозяйственными работами, перед ужином два часа самоподготовки по изучаемым теоретическим дисциплинам. Затем ужин, после ужина один час свободного времени, вечерняя поверка и в 10 часов отбой.

Утренний подъем объявлял старшина. Он громко кричал: «Рота, подъем!». Необходимо быстро встать с постели, надеть брюки, гимнастерку и сапоги, предварительно обернув ступни ног портянками. Зарядка выполнялась повзводно во дворе; поскольку была зима, поэтому надевалась гимнастерка навывпуск без ремня. Постель не заправлялась, только аккуратно закрывалась одеялом. Встать, одеться и обуться, аккуратно уложить одеяло на кровати – на это давалось времени 2 минуты. Обычно в это время укладывались все курсанты, но бывало, что кто-либо запаздывал. Тогда этому взводу была команда: «Отбой!». Курсанты раздевались, разувались, ложились в постель и укрывались одеялом. Через три минуты давалась повторная команда: «Подъем!». И, если опять кто-либо не успевал, снова была команда: «Отбой!».

Это нервировало. Тогда курсанты обращались к своему товарищу, который запаздывал с выполнением команды: «Если ты ещё раз запаздываешь, туго тебе придется». Как правило, после такого предупреждения выполнить команду «Подъем!» успевали все. Все повторные команды «Подъем!» и «Отбой!» давались помощником командира взвода – сержантом, который утром перед подъемом приходил в казарму вместе со старшиной. И он же находился с нами все время, включая вечерний «Отбой!».

Нормативное время выполнения команды «Отбой!», т.е. ложиться спать на послеобеденный сон или на ночь, давалась полторы минуты. И все те нюансы, описанные мной по команде «Подъем!», происходили и по команде «Отбой!». Я успевал выполнить команды «Подъем!» и «Отбой!». Более того, за 1,5 минуты выполнения команды «Отбой!» я успевал раздеться, разуться, выставить сапоги и накрутить на них портянки для сушки, лечь в постель и даже заснуть. И, когда повторно поднимали взвод из-за не успевающих улечься курсантов, мне нужно было проснуться.

После подъема взвод выбегал во двор на физзарядку. Перед этим забегали в какой-то пустующий уголок площадки и справляли малую нужду. К концу зимы в этом месте выросла наледь высотой около полуметра. Т.е. все то, что мы опорожнялись из мочевого пузыря, замерзало, т.к. были сильные морозы.

После отправления естественных надобностей делался комплекс физических упражнений при любой погоде. После физзарядки взводы возвращались в казарму, заправляли аккуратно постели, чистили зубы и умывались, т.е. мыли лицо и руки. Некоторые умывались холодной водой до пояса.

Потом был завтрак, на который выходили одновременно две роты. На завтрак была какая-либо каша или макаронны, иногда бывало овощное рагу. К гарниру полагался кусочек мяса. Вторым блюдом был чай, к нему полагалось 20 граммов сахара. За стол садилось 12 человек, т.е. каждый взвод занимал два стола. Гарнир из раздаточной подавался в алюминиевом бачке, курсанты сами раскладывали гарнир по тарелкам. Мясо подавалось в таком же бачке отдельно, нарезанное кусочками в соусе. Курсанты сами раскладывали по кусочку мяса в каждую тарелку. Чай подавался на стол в чайнике, уже заранее заваренный. Иногда чай подавали сладким. Это значило, что войсковая часть получила сахар не рафинад, а сахар-песок. В этом случае чай был менее сладок. Если на стол подавался сахар кусочками на 12 человек, его также

делил какой-либо курсант – раскладывал на 12 кучек, а потом давал команду «Взяли!». Все 12 человек кидались каждый за намеченной кучкой, иногда получалось, что к одной кучке устремлялось 3—4 руки. Было шумно и весело, никто со злостью не скандалил.

Обед. На обед было первое блюдо: либо суп, либо щи, либо рассольник. Первое блюдо варилось вместе с мясом, но подавалось без него, так как оно шло к гарниру второго блюда. На второе подавалась какая-либо каша или макароны и кусочек мяса, которое ранее варилось в первом блюде. Третьим блюдом был компот из сухофруктов, не сладкий. Первое блюдо подавалось на стол в 8-литровом алюминиевом бачке. После раздачи первого блюда бачок возвращался в посудомойку, где его мыли и подавали в раздаточную. В раздаточной в бачок клали гарнир, в еще одном бачке подавали мясо с соусом. Из бачков эти блюда клали в тарелку сами курсанты. Обычно за это дело брался какой-то курсант, его называли почему-то «разводящий». Он и наполнял тарелки курсантов едой из бачков.

Ужин. Ужин состоял из двух блюд. Первым блюдом был опять же какой-нибудь гарнир из какой-либо каши или макарон и кусочек рыбы – 100 гр. Вторым блюдом был чай. Здесь полагалось 15 гр. сахара. Раздача пищи и дележ сахара происходили точно так же, как в завтрак. Из гарниров солдатам больше всего нравились овсяная каша и овощное рагу. Часто очень варили манную кашу. Вот ее курсанты не любили. Манную кашу называли: «Детям в радость – солдатам слезы». Мяса полагалось в сутки 150 гр, рыбы – 100 гр. Рыба была отварная треска либо лососина, иногда была соленая селедка.

Оценивая всю эту еду, скажу, что в первые две недели буквально всем курсантам еды было мало. Потом привыкли – установившийся режим дня, и не такое уж плохое питание не казалось скудным. Тем не менее, на мой взгляд, ужин был слабоват. Мне лично хватало, но у нас во взводе было два курсанта, которые все время просили добавки через окошко раздаточной. На мой взгляд, это больные люди, потому что они теряли человеческий облик, если им не давали добавки. По выражению курсантов, эти двое все время закрывали кухонную «амбразуру». Как правило, добавку им давали.

Время на принятие пищи в столовой отводилось строго. Если кто-то почему-то вдруг не успевал поесть, он вынужден был вставать и уходить, оставляя часть своей еды. Раскладывать по тарелкам и есть нужно было быстро, потому что по окончании отведенного на прием пищи времени роту поднимали и выводили из столовой. Доели курсанты или нет, не имело значения.

Во второй половине дня у нас были строевые занятия или хозработы. Строевые занятия проходили на плацу в любую погоду. При морозах более 20 градусов мерзли пальцы ног. Если мы стояли в строю, командир взвода говорил: «Если у вас мерзнут пальцы ног, шевелите ими, и вы их согреете». Помогало – пальцы более-менее согревались. Когда это не помогало, и кто-либо жаловался, строем бегали по плацу и согревались.

Хозяйственные работы были одни и те же – мы работали на складах артиллерийских снарядов. Мы выносили из складов американские снаряды калибра 90 мм. Взамен них клали снаряды наши – калибра 100 мм. Соответственно, приходилось переносить туда-сюда и взрыватели – самый опасный груз. На склады нас пропускали через караульное помещение, где мы выкладывали все курительные принадлежности, а также спички, зажигалки. Более того, нас обыскивали.

Мы работали два месяца. Дело в том, что проходило перевооружение зенитных артиллерийских дивизий с американского вооружения на советское. До 1955 года на вооружении артиллерийских зенитных дивизий находились американские зенитно-артиллерийские комплексы.

Помимо различных хозработ взводы курсантов на сутки отправлялись в наряд. В этот день занятий не было. Одно отделение взвода несло караульную службу, другое отделение

взвода уходило работать в столовую. Это был очередной наряд, каждый взвод ходил в этот наряд один раз в 12 дней.

Зима была суровая: окна были закрыты, потолочные фрамуги были немного открыты. Во время сна в спальном помещении был чрезвычайно спертый воздух, при том достаточно вонючий и, если открывались из коридора двери и приходилось входить в спальное помещение, когда там все спали, то спертый воздух буквально давил и не пускал туда заходить.

В баню мы ходили раз в неделю. Она располагалась в одном здании с котельной, которая отапливала казармы и столовую. В учебных корпусах и медсанчасти было печное отопление.

Нижнее белье представляло собой рубашку с длинными рукавами и кальсоны с завязочками внизу и на поясе, пуговиц у кальсон и рубашки не было. В зиму мы носили двойное нижнее белье. Само нательное хлопчатобумажное полотняное, достаточно холодное белье носилось и зимой, и летом. Помимо него выдавалось теплое белье из фланели. Это были рубашка и кальсоны. Нательное белье стиралось и менялось еженедельно, после бани выдавалось чистое, выстиранное нательное белье, потому что в солдатской норме белья было положено два комплекта нательного нижнего белья. А вот фланелевого нижнего белья по норме приходился только один комплект. Фланелевый комплект нижнего белья надевался на нательный. Получалось, солдат носил на себе два комплекта нижнего белья. Фланелевое белье носилось без стирки три недели и на 4-ю неделю отправлялось в стирку. В это время солдат ходил в одном нательном нижнем белье, было холодновато.

Брюки назывались шароварами. Гимнастерка представляла собой обыкновенную рубашку – воротник-стойка, с двумя внутренними карманами на груди и достаточно длинным подолом. Носилась она навывпуск и подпоясывалась широким солдатским ремнем. Гимнастерка и шаровары выдавались на 1 год.

Стирка им не полагалась – нужно было выбирать время и стирать самим где-нибудь в умывальнике или в бане, но тогда взамен нечего было надевать. Поэтому время для стирки было выбрать трудно. И уже через два месяца моей службы в Магнитогорске гимнастерка стала чрезвычайно грязной. Если гимнастерка была очень грязная, старшина делал замечание и велел стирать. Стирала гимнастерки мы сами вечером – за ночь гимнастерка высыхала.

Обувь – кирзовые сапоги, выдавались они на два года. К сапогам полагались портянки, которые выдавались на 1 год и представляли собой примерно 40 на 80 см кусок плотной хлопчатобумажной ткани. Эти портянки носились летом и зимой, а на зиму к ним дополнительно выдавались точно такого же размера портянки из суконной ткани. Эти портянки выдавались на одну зиму. Зимой курсант надевал двое портянок: полотняные хлопчатобумажные, а на них наматывались суконные.

Головной убор – шапка-ушанка из искусственного меха. На мой взгляд, достаточно приличная. На все три года выдавались так же шинель и бушлат.

Хочу сказать также о нашем культурном времяпрепровождении. Еженедельно мы должны были смотреть кинофильмы или бывать на каких-либо эстрадных концертах. В расположении артиллерийской дивизии, где размещалось наше училище, не было кинотеатра, но был клуб примерно на 800 с лишним мест. На концерты туда приезжали различные эстрадные артисты примерно раз в месяц. Несколько раз нас также водили в Магнитогорск в кинотеатры. Ходили мы туда пешком, а это 9 километров.

Начиная с января 1955 года курсантов училища начали пускать в город в увольнение. Время увольнения было с 10 до 23 часов. Увольнение в город давалось не более чем десяти курсантам из каждой роты. Учитывая, что нужно было затратить около 4 часов на дорогу туда и обратно, на мой взгляд, время увольнения проходило очень непродуктивно – все же незнакомый город, незнакомые люди.

Глава 4

Декабрь 1954 года. Бросаю курить

Я решил бросить курить. Курящим в армии выдавалась махорка в пачках и пакетики курительной бумаги, никаких сигарет или папирос не было. Курящий сворачивал так называемую сигарку и курил ее. Курить разрешалось только в специально отведенных местах. Некурящий солдат (курсант) получал дополнительно 20 граммов сахара в сутки.

И вот я бросаю курить, а курить я начал с 16 лет. Ранее я записался как курящий, но после решения бросить курить я решил не записываться все же в ряды некурящих на получение дополнительного сахара – подумал, обойдусь без дополнительных 20 граммов сахара, а там будет видно.

Идем на занятия в учебный корпус, с нами вместе идет на занятия помощник командира взвода – сержант из роты обслуживания. Я даже сейчас помню его фамилию – Щербаков. Достаточно дружелюбный парень. И вот после первых 45 минут занятий 10 минут перерыв. Все курящие выходят из класса и идут перекурить. Это практически здесь же, но в специально оборудованном для курения месте. А я как некурящий остаюсь в классе – все же зима, и во дворе довольно холодно. А классы отапливались дровами – в каждом классе стояла печь, и туда надо было подбрасывать дрова.

И вот сержант говорит мне: «Ты как некурящий остаешься в класс. Принеси дровишек, подбрось их в печку и следи хотя бы эти 10 минут, чтобы дрова горели в печи нормально». Я проделываю эту работу во время перерыва. Каждый день занятий – 5 перерывов, и я в эти перерывы приношу дровишки и делаю все то, что мне поручено. Через неделю мне это надоело. Все курсанты из моего взвода продуктивно отдыхают все эти перерывы, ещё и посмеиваются надо мной. Я продержался вторую неделю – ситуация все та же. Тогда я запасся пачкой махорки и курительной бумаги и в очередной понедельник, когда наш сержант дает мне указание по обслуживанию печки, я ему говорю: «Виноват, товарищ сержант, я уже курящий». Показываю ему махорку, бумагу, начинаю сворачивать сигарку и говорю:

– Извините, придется кого-то другого искать, я свое отработал. Моя попытка бросить курить провалилась.

Он посмотрел на меня и говорит:

– Значит, не бросил курить?

– Выходит, что так.

Я пошел к месту курения, а сержант назначил для обслуживания печи на этот день другого курсанта. И впредь он назначал (уже теперь курящими были все) на эту работу очередного курсанта.

Глава 5

Январь 1955 года. Я – организатор пьянки

В ближайшее воскресенье после 1-го января я попросил старшину отпустить меня в увольнение в город Магнитогорск. Нас собралась группа из пяти человек. Мои товарищи по увольнению были шахтерами из Копейска, вместе с которыми я призывался в армию из Челябинска. Мы выходили в 10 часов утра, нужно было прийти до 11 часов вечера. Все мы, 5 человек, пошли пешком в Магнитогорск, а это 9 километров. Кто-то из нашей компании был в увольнении раньше и знал, где в общежитии живут девушки, и привел нас всех туда. Зашли мы в общежитие, а в общежитии моим товарищам понадобилось выпить, и девчонки были не против. Я в армии алкоголь не употреблял, и желания выпить у меня не было.

Вот они начинают складываться, и потом говорят:

– Ну, ладно, а ты?

– А я не пью.

– Ну, всё равно складывайся деньгами!

Я отдал деньги и говорю:

– Так это много!

– Да что там много? По бутылке на брата, считая тебя!

– Но ведь я не буду пить!

– Спасибо, не пей на здоровье – мы выпьем!

– А кто теперь пойдет за водкой?

Они отвечают:

– Иди ты.

Я говорю:

– Не пойду, ведь я пить не буду.

– Нет, ну, раз ты не будешь пить, ты хоть сходи.

Я пошел, купил пять бутылок водки, принес им. Они стали пить, стало шумно. Я говорю: «Я пойду в кино». Они ответили: «Ну, иди». Я сходил в кино, сходил еще куда-то, не помню куда, и вернулся вовремя в училище. Докладываю старшине, а он мне говорит:

– А где остальные твои друзья?

– Да черт их знает!

Я сказал старшине, что оставил их в женском общежитии, и ушел спать.

Мои товарищи не вернулись и к утру. Выясняется, что они в этом общежитии напились, передрались между собой, девчонки вызвали милицию, милиционер вызвал военный патруль, и их всех четверых посадили на гарнизонную гауптвахту. Утром начальник гарнизона позвонил нашему начальнику училища. Наш начальник сказал, что пришлет за этими разгильдяями автомобиль с конвоем. К обеду их привезли. После обеда в Ленинской комнате нашей роты собралось комсомольское собрание, а комсомольцы – это вся рота. В президиуме замполит училища, командир нашей роты, секретарь комсомольской организации – начинается разборка.

Бывшие арестованные сидят отдельно, как бы на скамье подсудимых, я сижу со всеми остальными. Поднимают одного из «шахтеров» и начинают спрашивать, как было дело. Это был Кашкаров. Он начал: «Нас было пятеро, в том числе и курсант Стальгоров. Стальгоров с собранными деньгами сходил за водкой, принес ее – это было 5 бутылок – и мы ее выпили. Напившись, мы передрались между собой, и нас забрали на гауптвахту». Замполит спросил его:

– Стальгоров с вами пил?

Кашкаров ответил:

– Нет, он принес водки и ушел в кино.

Поднимают меня. Я подтверждаю:

– Да, поскольку я не пью, то я сразу же и ушел.

Замполит:

– Но ты же им водки принес?

– Они попросили, чтобы я как непьющий хотя бы сходил за водкой.

Замполит спрашивает Кашкарова:

– Это так?

– Да, так точно.

– А если бы Стальгоров водки не принес?

Этот подлец Кашкаров отвечает:

– Конечно же, мы бы не напились.

Замполит спрашивает остальных:

– Это так?

Они отвечают:

– Конечно, так!

Замполит спрашивает старшину роты:

– А Стальгоров пришел из увольнения вовремя и был ли он нетрезв?

Старшина отвечает:

– Стальгоров пришел вовремя, доложил мне и был совершенно трезв.

Таким образом, я оказался организатором вот этой солдатской пьянки. В увольнении я не пил совсем и пришел к себе в войсковую часть совершенно трезвым, и это почему-то ещё более усугубило мою вину. Мне объявили по комсомольской линии строгий выговор с занесением в личное дело. Замполит училища уже по административной части объявил мне взыскание – 6 нарядов вне очереди (исключая гауптвахту это самое строгое наказание), а остальным по два наряда вне очереди.

Наряд – это значит в свободное время какие-то работы. Притом, поскольку это наказание, армейский Устав запрещает посылать в караул. Остается либо мыть казарменный пол либо рабочим на кухню.

Глава 6

Январь 1955 года. На кухне

Кухня считалась самым тяжелым нарядом. Пол мыли обычно, хоть это и запрещалось, палубным способом, поэтому это не такая большая трудность для солдата, а вот на кухне – это да.

Во-первых, нужно встать в 4 часа утра. Во-вторых, принести с продуктового склада крупу, картошку, мясо и другие, достаточно тяжелые грузы, так как кухня артиллерийской дивизии готовила на 900 человек. Поэтому мешков приходилось таскать со склада много. Еще достаточно трудоемкой была чистка картофеля. Картофель был отечественный и импортный. Для чистки картофеля существовала специальная машина, по размеру примерно с домашнюю стиральную машинку. В эту картофелечистку загружалось ведро картофеля, а через 2—3 минуты выгружался почищенный картофель. В ней циркулировала вода, которая смывала картофельные очистки в канализацию.

Если картофель был импортный, то после картофелечистки с ним никакой возни больше не было. Импортный картофель был польским или французским. Его клубни были одной формы и размеров – с куриное или утиное яйцо. Никаких впадин, никаких выступов, никаких «глазков» после картофелечистки у импортного картофеля не было. А вот когда шла наша картошка, отечественная, после двух-трех минут очистки в этой картошке находилась масса «глазков», каких-то неочищенных выступов и ложбинок. Все это нужно было обрабатывать вручную ножом.

Поэтому, когда мы получали на складе нашу картошку, сразу опускались руки. На очистку картофеля солдаты шли как на какую-то казнь. Задерживалась обработка картошки, повар ругался. И все это время те, кто чистил картошку, ругались матом – кого только не ругали! Между прочим, если бы не было этой импортной картошки, мы бы не знали, что может существовать картофель без изъянов, который очищается в картофелечистке за 2—3 минуты.

Самой противной работой на кухне было мытье посуды. Посуда эта – алюминиевые бачки на 8 литров для первого блюда на 12 человек, каждому едоку алюминиевая миска, кружка, ложка. Кружку и ложку курсанты и другие солдаты приносили и уносили сами, мыли их солдаты тоже сами. Хранили кружку и ложку курсанты в своих тумбочках.

Кухня готовит на 900 человек, и всю посуду – бачки и алюминиевые миски – приходилось мыть для каждой последующей смены едоков. Вот в зал заходит 300 человек, этим тремстам нужно выдать чистую посуду. Потом ее после еды собрать и мыть для следующих 300 человек, и так трижды. Для мытья и хранения посуды была специальная комната, так называемая посудомоечная. Для мытья посуды там стояли три обыкновенные ванны, какие ставятся в квартирах. Вначале в помойный бак из мисок и бачков выбрасывались остатки еды, затем пустая посуда складывалась в первую ванну. Ванна заполнялась не очень горячей водой, и в этой самой ванне происходило первое мытье посуды. После этого вымытая в первой ванне посуда перекладывалась во вторую ванну. Здесь вода должна быть уже горячей, еле терпимой для рук. И в первой, и во второй ванне различными мочалками вручную вымывалась посуда. Никаких моющих средств не применялось. Более того, было запрещено применять даже пищевую соду.

Из второй ванны посуду перекладывали в третью ванну. В ней посуда ошпаривалась кипящей водой и из ванны вытаскивалась практически сухой. Иногда после третьей ванны посуду смотрел врач, проводил пальцем по вымытой посуде. И, бывало, говорил, что посуда вымыта плохо, и все возвращалось назад.

Ранее я писал, что работа на кухне начиналась с того, что с продуктового склада приносили продукты. В мой второй наряд на кухню меня загрузили мешком с овсяной крупой. Два

солдата подняли этот мешок и положили мне на спину, и я понес его на кухню. Я думал, что это ерунда, а там было 80 кг. В одном месте нужно было переходить по мостку через достаточно глубокий кювет. Я решил, что попробую перелезть с мешком через кювет, не доходя до мостка – путь с мешком на спине в этом случае сокращался вдвое. Я с мешком спустился в кювет, и он меня там придавил, я еле-еле выбрался с ним. Проклиная себя за эту дурость, я поднялся на четвереньки и еле донес мешок до крыльца кухни. На крыльцо нужно было подняться на три ступеньки, этого сделать я уже не мог. Пришли другие курсанты и затащили мешок с крупой на кухню.

В этот же день я познакомился с солдатом последнего года службы, который сидел возле окошка – выдавал и принимал посуду. Он являлся старшим для всех солдат или курсантов, которые работали по нарядам в посудомоечном помещении. Оказалось, что он из Каменец-Подольского и жил там недалеко от учебного корпуса нашего техникума. Более того, он даже говорил, что ходил к нам в техникум на танцы. Я, конечно, по Каменец-Подольскому его совершенно не знал. Тем не менее, он очень обрадовался, встретив, можно сказать, соседа. Он сказал, что находится в штате дивизионной столовой как рабочий. Старшим для него является старший повар, так же солдат срочной службы. И повара, и он – все числились в штате дивизионной столовой. Начальник у них был заведующий столовой офицер, старший лейтенант. Этот солдат сказал мне:

– Будешь вместо меня выдавать и принимать посуду по списку. Посуду больше не мой. Там есть другие курсанты, пусть они ее моют. На склад за продуктами также не ходи, сразу приходи сюда, и мы с тобой лучше поговорим о чем-нибудь другом и подготовим к выдаче посуду. И картофель чистить также не ходи.

– А если кто-нибудь будет меня куда-то посылать?

– Никуда не ходи. Скажи, что ты выполняешь мои указания.

Я так и делал, поскольку у меня было 6 нарядов вне очереди. Да, ещё были очередные наряды на кухню. Получалось, что я до окончания этой школы из кухни вылезать не буду. Как только очередной наряд для нашей роты, то меня впахивают на эту кухню, но я там фактически не работал. Моя работа заключалась в том, чтобы выдавать и принимать посуду.

Работы на кухне, как я написал раньше, начинались с 4-х часов утра и заканчивались к моменту вечерней поверки. Притом я ходил на все занятия, т.е. работы на кухне проводились в свободное от занятий время. После того как меня под свое крыло взял старший по посудомойке, трудностей у меня не было никаких. Пожалуй, я даже отдыхал.

Работа на кухне имела также и преимущества. Она заключалась в том, что есть можно было столько, сколько хотели, и что хотели из имеющихся блюд.

Глава 7

Конец января 1955 года. У подножия горы

В конце января 1955 года командование училища решило провести учение на тему «Пехотная рота в наступательном бою». Наша вторая рота первой должна была приступить к этому учению. Два взвода находятся в обороне, окапываются в горах в определенном месте, четыре взвода их штурмуют. Снегу выпало в том году очень много, в горах – тем более.

Старшина роты как опытный солдат перед началом учений нас инструктировал: «Мы вам выдаем одежду: ватные брюки, бушлаты, валенки, т.к. мороз больше 30 градусов. Готовьтесь к серьезным испытаниям – учения начинаются с лыжного похода на 15 км. В 10 часов вечера отправятся два взвода, которые будут в обороне. Они там окопаются и будут ждать наступления остальных взводов. Четыре других взвода выйдут из казармы в 0 часов, т.е. в полночь. На мой взгляд, вам лучше всего было бы обуть сапоги, но командование почему-то решило обуть вас в валенки. Как только вы дойдете на лыжах до исходной позиции, вы оставите лыжи, окопаетесь в снегу, а потом по пояс в снегу пойдете в наступление на эту проклятую гору. Вы наберете полные валенки снега, который потом превратится в воду. Когда окончится „бой“, не бойтесь мороза – немедленно снимайте валенки с ног поочередно и выливайте из них воду. Надевайте шерстяные носки, если они у вас есть, у кого носков нет, надевайте свежие, сухие портянки. И сухие носки, и сухие портянки берите с собой из казармы. Из намокших портянок выжмите воду и кладите их в вещмешок – в казарме просушите. Не дай Бог, кто-либо забудет носки или портянки – будут обморожены ноги. Шапка-ушанка должна быть, как и положено по Уставу, с опущенными ушами, которые должны быть завязаны под подбородком. Если эти уши шапки не будут завязаны под подбородком, то от вашего дыхания они обмерзнут, покроются не просто инеем, а наледью, после чего их уже завязать будет невозможно, и щеки ваши могут быть обморожены».

Мой приятель Максимов дал мне шерстяные носки. Ему мама прислала 2 пары носков, он одни взял себе, вторые дал мне. И вот пошли мы на лыжах. Я впервые в жизни пошел в такой поход. В своей гражданской жизни у меня не было лыж, и я никогда не ходил на лыжах. В компании остальных курсантов я все же чувствовал себя нормально. У нас был курсант Бармин, призванный из города Кирова. Он был профессиональным лыжником, много ходил на лыжах и увлекался прыжками с трамплина (в городе Кирове имелся девяностометровый трамплин). Буквально через сто метров от казармы у него сломалась одна лыжа. Его бы следовало отправить назад в казарму, но это была бы сразу же «боевая потеря» одного солдата. Нам-то ничего, а командир взвода лейтенант Деревянкин опасался, что с него за это спросят. И Бармин с одной поломанной лыжей пошел с нами в «бой».

У нас был у каждого карабин и холостые к нему патроны: 5 патронов в магазине карабина и 2 обоймы по 5 патронов в подсумке.

Через 2 часа мы вышли на исходный рубеж. Дальше сняли лыжи, выставили их в снег вертикально. Окопались в снегу. Потом раздалась команда: «Вперед, в атаку!».

Мы выстрелили несколько раз, схватили карабины и пошли по глубокому снегу в атаку на обороняющихся. Снегу было по пояс. Два обороняющихся взвода окопались так же в снегу у подножия горы. Они начали стрелять. Мы одолели их численностью. Не передрались между собой, но разогрелись, разгорячились. Всей ротой пошли на наш исходный рубеж, где стояли наши лыжи.

Рота выстроилась для подведения итогов «боевой операции». Итоги учений перед строем огласил посредник – старший офицер из штаба училища. Его речь была очень короткой, не более двух минут. Потом все стали разуваться и выливать из валенок воду. Да, в валенках хлюпала вода. Я сделал ту операцию, о которой говорил наш старшина, Максимов также (мы

с ним рядом были). Вылили воду, обулись, на носки я навернул летние портянки – ноги оказались в сухом тепле.

Мокрые портянки я выжал и положил в вещмешок. Затем мы стали на лыжи и пошли. Почему-то пошли не по той дороге, по которой шли к горе, и заблудились. Блуждать по целинному снегу на лыжах очень тяжело. Постоянно меняются впереди идущие. Плюс к этому мороз более 30 градусов и ветер. Ветер с морозом – это плохо.

Проблуждали час, все устали. Стали обмерзать щеки у тех, у кого не была завязана ушанка под подбородком. С нами был врач, и курсанты с обмороженными щеками побежали к нему, он осматривал их, натирал спиртом щеки, давал хлебнуть чуть-чуть. Мой взвод – шестой, мы идем последними в колонне. И двое наших курсантов – Бузоверов и Буровой – начали отставать и жаловаться, что больше идти они не в состоянии – тяжело, очень устали. Бузоверов, кстати, спортсмен-лыжник, родом из Иркутской области, здоровый мальчик, хотя и худощавый. Совершенно непонятно, почему он выдохся. Буровой из Ленинграда, он блокадник, очень слабенький еврейский мальчик. Мы забрали у них оружие, лопатки и вещмешки – облегчили им нагрузку. Это не помогло. Они стали чуть ли ни при каждом шаге хватать снег, запихивать его в рот, как будто бы их мучает жажда, а, может, так и было. Они начали все больше отставать, а мы их подгоняем. Да, ещё и укоряем, что некоторые из нас несут их оружие, вещмешки и лопатки. – груз все же лишний для кого-то. Не помогает. Более того, они начали ложиться на снег, чтобы нам было ещё труднее их подгонять. Ложатся и говорят: «Дальше не пойдем». Им говорят и курсанты, и командир взвода: «Но вы же здесь насмерть замерзните». А они отвечают: «Ну и пусть».

Тогда командир взвода говорит двум курсантам: «Снимайте свои поясные ремни и, если эти негодяи будут ложиться на снег, поднимайте их, бейте их ремнями и подгоняйте. Не бейте только по лицу». Эти двое курсантов снимают свои ремни, начинают ругать, поднимать руками отстающих, как их назвал командир взвода, негодяев, и бьют их пряжками ремней по спине, по рукам, по заднице, чтобы они не ложились на снег. Толкают и заставляют идти на лыжах. Так продолжается минут тридцать. И вдруг кто-то из впереди идущих сказал: «Да вот же наши казармы, внизу, в распадке! Совсем недалеко, не более двух километров, притом все время вниз, и уклон не такой уж большой». Уже начало светать. Все приободрились, а Бузоверов вскочил на лыжи, обогнал всю роту и бегом направился прямо в столовую, поскольку мы уже опоздали даже на завтрак. Буровой, конечно, плелся сзади.

Так закончилось наше учение. Были обмороженные лица у двух десятков курсантов, а курсант Бармин, у которого одна лыжа балы поломана, вел себя нормально и дошел со всеми до столовой.

На следующую ночь на аналогичное учение должна была идти первая рота, но по итогам учения нашей роты (были всё же обмороженные) для первой роты учение отменили.

Глава 8

Февраль 1955 года. В карауле

Все-таки мне пришлось однажды сходить в караул. Наш взвод был дежурный, и мы должны были быть в карауле – охранять имущество училища. У нас было три поста: два поста было внутри этого военного городка, а третий в километре от нашей войсковой части. Там стояла радиотехническая станция П-20 нашего училища. Туда мы приходили на занятие по изучению материальной части станции и работы на ней. Эта станция было совершенно секретная и охранялась нами круглосуточно. Внутри нашего городка было два поста, и охранялось нами там какое-то имущество. У артиллеристов была своя караульная служба. Более того, у них была целая отдельная караульная рота.

Я попал в караул зимой. Меня поставили на пост внутри нашего городка. Я запомнил, как это было. Была зима, мороз более тридцати градусов. В такой мороз часовому давался тулуп, который надевался поверх бушлата. И вот я стою с карабином на посту и думаю: «Никакой из меня ни часовой. Я чрезвычайно малоподвижное чучело. Если, не дай Бог, кто-то решит напасть на такого часового – 100% успех. И ходишь в этом тулупе еле-еле, и стоишь, как столб, в руках карабин, руки в армейских перчатках. Стрелять в таких перчатках невозможно». А ведь нападения на часовых у артиллеристов были – с января по май на артиллерийские склады было два нападения.

Склады находились на окраине военного городка, и дорога из Магнитогорска была рядом. Когда мы заступали в караул, о нападениях на артиллерийские склады нам рассказывал начальник караула. Он инструктировал нас, как нам вести себя в случае нападения. Нападающие приезжали на легковом автомобиле, пытались перебраться через забор, но часовой был на месте. Как и положено, он окликнул: «Стой! Кто идет?». В ответ прозвучал пистолетный выстрел. Часовой так же начал стрелять. Поднялась тревога в части. Нападавшие немедленно слезли с забора, кинулись к автомобилю и тотчас же уехали. У артиллеристов круглосуточно дежурила одна батарея, при этом круглосуточно стоял с работающим двигателем автомобиль МАЗ. Артиллеристы на этом автомобиле пытались догнать нападавших. Гнали за ними до Магнитогорска, но на улицах города легковушка оказалась более маневренной, чем МАЗ – нападавшие скрылись.

Как я ранее писал, нападений было два. Оба раза нападавших встречал часовой. Я не знаю, к месту это или не к месту, но оба раза часовые были нерусские – и по-русски ничего не понимали, и говорить не умели. Откуда были эти часовые, я не знаю – то ли с Кавказа, то ли из Средней Азии.

Когда выслушаешь такой инструктаж, а потом идешь на пост, то настроение не слишком радужное. Я думаю, что нападавшие на артиллерийские склады делали это напрасно – там нечего было взять бандитам, там не было стрелкового оружия, были только артиллерийские снаряды и запалы. Мы охраняли вообще не пригодное для криминала имущество. Тем не менее, неприятно стоять на посту, ожидая возможного нападения. Слава Богу, я был в карауле один раз, а на кухне вполне безопасно.

Глава 9

Март 1955 года. Медсанчасть

Медсанчасть нашего училища располагалась в отдельном небольшом здании. В этом здании были помещения: приемная достаточно большой площади, способная вместить 30 человек; так называемый изолятор – комната с двумя постелями – и кабинет, где принимал врач. Кабинет был совмещен с процедурной. В санчасти работали врач и три санитары – солдаты из роты обслуживания. Это здание медсанчасти отапливалось дровами, там было две печки. Курсантов посылали в медсанчасть только для заготовки дров на неделю.

Однажды меня послали в медсанчасть – там нужно было нарубить дров. Нас было трое. Мы пришли и доложили врачу – старшему лейтенанту – и стали рубить дрова. У меня и у второго курсанта были топоры, третьему курсанту достался топор-колун. С помощью колуна мы разделявали напиленные из деревьев кругляши, примерно 80 см высоты. Эти кругляши, конечно, были с сучками, и обыкновенными топорами их разделить было невозможно. Вот тут-то и использовался колун.

Окончательная разделка полученных из кругляшей поленьев велась с помощью топоров. Поленья нужно было рубить поперек на две половинки, и колун для этой цели непригоден. Курсант, у которого был колун, остался без работы. Он решил все же помогать нам и стал ломать поленья с помощью колуна.

Мы говорили ему: «Брось, мы порубим сами, обойдемся без тебя». Поленья были достаточно толстые, и ломать их на две части колуном было трудно, да и опасно. Поломанные поленья разлетались в разные стороны и ломались не с первого удара колуном.

И вот этот курсант ударил полено колуном, однако полено не разломилось пополам, а колун отскочил, как от пружины, и ударил курсанта обухом в лоб. Мы посмеялись – с курсантом ничего не произошло очевидного, только на лбу у него была небольшая ссадина. Мы послали его в санчасть к врачу и сказали: «Там тебе обработают твою ссадину и, возможно, заклеят пластырем».

Он пошел туда, ему там намазали йодом и заклеили ссадину пластырем. Он сказал после этого, что врача в санчасти нет, а ранку ему обработали санитары. Мы порубили дрова. Работа в санчасти для нас была окончена, и мы ушли в казарму.

На следующий день этому курсанту, который был ранен в лоб, стало плохо – его затошнило. Мы его быстро отвели в санчасть, чтобы ему оказали помощь. Из санчасти врач отвез его в Магнитогорск в госпиталь. На следующий день он умер. Вот вам и шутки. Наш врач стал говорить: «Это было сотрясение мозга, вы, к сожалению, сразу ко мне не обратились. Я бы тот час же отвез его в госпиталь, а через сутки уже было поздно». Врач добавил, что у него образовалась гематома.

В эту зиму нас дважды повзводно водили в санчасть на прививки. Один раз говорили – против столбняка. Трудно сказать, от чего нас кололи, а мы не спрашивали. В кабинете врача двое санитаров и врач. Врач перед прививкой осматривает и спрашивает, есть ли какие жалобы. Обычно жалоб нет. Практически больше половины курсантов боялись прививок и самой процедуры укола. Другие над ними подсмеивались: «А тебе как уколут, и всё – помрешь потом».

Фамилия слишком мнительного курсанта была Иванов. Он был здоровый, сильный, но уколов боялся.

Заходить к врачу надо, уже снявши гимнастерку и нижнюю рубашку, т.е. до пояса голым. Прививку делают под лопатку. Вызывают по алфавиту. Заходит один, заходит второй, а все подзуживают этого Иванова: «Ой, ты знаешь как больно, ужас! Я чуть в обморок не упал». А этот Иванов смотрит в открытую дверь и оторваться не может. Санитар кричит: «Курсант Иванов». А тот вдруг сильно побледнел и упал в обморок. Мы кричим: «Иванов упал в обмо-

рок». Выходят из кабинета два санитаря, дают ему что-то понюхать. Он очнулся, открыл глаза, они его подняли и повели под руки в комнату, где делали прививки. Держат его на всякий случай за руки, а там врач посмотрел: «Все нормально, делайте укол». Помощник врача сделал Иванову укол. Иванов выходит оттуда, улыбается и говорит: «Брехуны вы все, мне не больно. Все хорошо». Общий смех: «А ты боялся».

Осенью 1954 года я решил поступить учиться в Челябинское военное училище штурманов авиации. Поскольку у меня был диплом с отличием, я поступал туда без приемных экзаменов, но мне нужно было пройти достаточно серьезную медицинскую комиссию. И вот эта комиссия меня забраковала. Причиной для этого послужила какая-то подкожная «шишка» над правым глазом. На комиссии мне сказали, что это подкожное образование мне нужно удалить и тогда прийти ещё раз.

Я обратился в свою участковую поликлинику к врачу хирургу. Эта была женщина лет 30—35. Она посмотрела на мою «шишку» и на следующий день назначила мне операцию в той же поликлинике. Я пришел, врач повела меня в операционную. Медсестра мне побрила бровь, обработала йодом место операции, уложили меня на операционный стол. Затем врач подошла ко мне и сказала: «Я опасуюсь делать вам операцию. Вдруг это связано с глазом? Может быть, я неправильно диагностировала ваше подкожное образование. Если вы вдруг после операции ослепнете, меня посадят лет на 15—20. Сегодня я вам не буду делать операцию, а посоветуюсь с окулистом. Сегодня вторник, приходите ко мне в четверг – я вам либо откажу по совету окулиста, либо сделаю операцию». Я поднялся и ушел домой.

В четверг я пришел в поликлинику. Там мне сказали: «Ваш врач ушла в отпуск на месяц вчера». Я уже ничего не мог сделать, время поступления в училище закончилось. В начале октября меня призвали в армию, и «шишка» здесь не помешала. И вот я решил, что эту операцию можно сделать здесь, в военном госпитале Магнитогорска. Поговорил с начальником медсанчасти училища, он взялся сопровождать меня в госпиталь на прием.

Прибыли в госпиталь. Пошли со старшим лейтенантом к хирургу на прием. Тот посмотрел и сказал: «Возможно, здесь имеются какие-то сложности – то ли связано с глазом, то ли нет. Лучше всего вам обратиться к главному хирургу, профессору. Правда, он сегодня работает последний день, с завтрашнего дня он в отпуске. Заходите к нему быстрее».

Пришли в кабинет профессора. Там сидели профессор и с ним три или четыре врача. На столе графинчик со спиртом – выпивают, провожают профессора в отпуск. К профессору обращается старший лейтенант, а профессор полковник, но они все сидят в медицинских халатах.

– Товарищ полковник, вот курсант школы офицеров запаса.

– Ну-ка, солдат, подойди.

Я подошел, он осмотрел, ощупал мою «шишку» и сделал глубокомысленный вывод:

– Это мозговая грыжа.

Все присутствующие ахнули. Профессор сказал:

– Я приеду из отпуска и с удовольствием возьмусь за эту работу. Я вас прооперирую, солдат.

Мы вышли из кабинета профессора.

Старший лейтенант мне говорит: «Давай-ка мы обратимся к другим хирургам». Мы сходили на прием ещё к двум хирургам, они спрашивали старшего лейтенанта, обращались ли мы к профессору. Старший лейтенант говорил: «Обращались, профессор сказал, что это мозговая грыжа». Хирурги дружно отказались делать мне операцию, и мы уехали из госпиталя.

Глава 10

2 мая 1955 года. «Американка»

2 мая 1955 года – праздничный день. Наша рота идет в Магнитогорск в кино, до Магнитогорска 9 километров. Как положено в армии, идем 50 минут и 10 минут отдыха, затем снова 50 минут до цели. Посмотрели кино, идем назад. Курсанты идут и разговаривают в строю, делятся впечатлениями о кинофильме, который смотрели. Сошлись на том, что кино дрянь и зря только ходим туда-сюда по 9 километров. Настроение у курсантов плохое, а тут ещё и опоздали с выходом из Магнитогорска – пришлось ждать некоторых курсантов, которые где-то после кино ещё пытались бродить. Прошли километра 3—4. Старшина, который ведет нашу роту, говорит: «Отдыхать не будем – мы опаздываем, а я опаздывать не привык. И вы не берите себе привычку опаздывать». Тут все ещё больше заворчали. Идем в колонне по три – 120 человек (один взвод у нас оставался в наряде и в Магнитогорск не ходил). Проходим небольшую лужаечку, где мы всегда отдыхали 10 минут при любых походах в Магнитогорск и обратно. Старшина предупреждает ещё раз: «Идем в строю четко, никакого отдыха не будет». Все вообще упали духом и идут достаточно медленно. Курсанты устали: устали от плохого кинофильма, устали от ходьбы в Магнитогорск и от ходьбы обратно в часть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.